

РОЛЬ АНТРОПОНИМОВ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Лидия Дербенёва

доктор филологических наук, профессор Ивано-Франковского национального технического университета нефти и газа, Ивано-Франковск, Украина
e-mail: derbenyovalv@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0288-907X>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена роли антропонимов в семантическом поле художественного произведения. Исследуется функция антропоэтонимов в формировании читательского «горизонта ожидания». Являясь своеобразным «текстом в тексте», антропоэтонимы концентрируют большой объём информации на незначительном отрезке текста, отражая основную тему произведения. В качестве «текста» этот класс поэтонимов выполняет ряд функций: передачу и хранение информации, порождение новых смыслов, функцию «культурной памяти», чем и объясняется читательский «горизонт ожидания». Антропоэтонимы являются своеобразной формой текстовых включений-интекстов, видом скрытого смысла на основе имплицитной семантики, создают глубинный контекст произведения. Их следует рассматривать как «структурные узлы», участвующие в формировании целостности произведения.

При анализе контекста художественного произведения необходимо учитывать функции антропоэтонимов как в вертикальном контексте (связь художественного текста с другими текстами и корневой системой культуры), так и в контексте горизонтальном (связь времен, реализованную в коммуникативной цепи от слова к тексту; авторские интенции). В этом аспекте роль антропоэтонимов в структуре литературного текста чрезвычайно показательна, поскольку антропоэтонимы обладают ассоциативной природой, порождающей сложный механизм аллюзий. Как любые аллюзии они всегда передают информацию о предшествующем тексте и предполагают двойную дешифровку. С одной стороны, реципиент декодирует эту информацию, с другой — воспринимает её как вид скрытого, утаённого смысла.

Таким образом, антропоэтонимы являются своеобразным «транспортным средством» и, одновременно, видом скрытого смысла, базирующегося на основе имплицитной семантики. Их следует рассматривать

как маркеры интертекстуальности, как «структурные узлы», участвующие в формировании целостности произведения.

Ключевые слова: *оним, автор, текст, художественный мир, герой, латентная семантика.*

Введение. Поэтика онима в современной науке представляет собой одно из наиболее перспективных направлений лингвистических исследований. Своеобразие функционирования имен собственных (ИС) и их семантические свойства в культурном тексте той или иной эпохи является одной из актуальных проблем отечественной ономастики. В этом аспекте по-прежнему остаётся актуальной мысль, высказанная Ю. М. Лотманом: в художественном тексте все элементы «суть элементы семантические». Имя собственное в структуре литературного текста как «семантический элемент» является одним из наиболее ярких лингвистических информативных феноменов. Как свидетельствуют многочисленные исследования учёных-ономастов, они выполняют прежде всего социально-дифференцирующую функцию называния единичного субъекта или объекта, однако на страницах художественного произведения ИС всегда несут дополнительную информацию, прежде всего — семантическую и смысловую (характеризуют персонаж, эпоху, социальную среду, выражают авторские интенции и т. д.).

Сегодня уже не вызывает сомнения и представление о художественном произведении, как своеобразной «системе», состоящей из множества элементов. Целостность структурных элементов системы предполагает понимание многочисленности авторских смыслов в реализации творческого замысла произведения и отражает авторскую картину мира содержащей многочисленные авторские смыслы в реализации творческого замысла произведения и отражающей авторскую картину мира. Понять произведение, постигнуть его смысл возможно лишь при условии декодирования авторского замысла путем анализа разноуровневых элементов в структуре художественного текста как в отдельности друг от друга, так и в их взаимодействии, в системе. В этом аспекте исследование семантики антропоэтонимов, изучение семантического ореола, который окружает художественный поэтоним в структуре литературного текста в процессе создания их автором и в восприятии читателем, представляется одной из наиболее сложных и интересных проблем языкознания.

Цель и задания исследования — изучить роль антропонимов в смысловой многомерности художественного текста. Достижение поставленной цели актуализирует ряд **задач**: выявить семантические свойства антропонимов в структуре художественного текста; определить роль имён собственных в формировании «горизонта читательского ожидания»; установить особенности интертекстуальной природы антропонимов.

Методы исследования. В статье были использованы функциональный подход, генетический, интерпретационный метод, метод этимологического анализа.

Результаты исследования. Системность собственных имен в структуре литературного произведения В. М. Калинин предлагает рассматривать как поэтонимосферу. В этом аспекте значимость и ценность ИС можно понять тогда, «когда рассматривается вся система имен в целом и место конкретного имени в данной системе» (Калинkin, 1999: 167).

Избранное писателем имя актуализирует читательский поиск средств его постижения либо в пределах произведения, либо в факте биографии писателя, либо в контексте национальной или мировой культуры. Если движение мысли писателя идёт от признака к имени, то читательская мысль «движется» в обратном направлении: от имени к признаку, поскольку такая интеллектуальная операция даёт возможность понять авторскую мысль, в именованном образе. Отмечая уникальность антропонимов в «смысловой многомерности текста», В. Руднев подчеркивает их роль как вербального средства «воплощения авторских интенций и художественной идеи произведения за счет способности кодировать значительный объем художественной информации и выступать доминантными единицами текста» (Руднев, 1997: 64).

Своеобразие функционирования поэтонимов, их семантические свойства в литературном тексте той или иной эпохи, в идиостиле писателя является одной из актуальных проблем современной ономастики, о чём свидетельствуют исследования М. С. Альтмана, В. М. Калинин, В. Н. Михайлова, В. А. Никонова, Е. Ю. Карпенко, Ю. А. Карпенко, А. В. Суперанской, В. И. Супрун, О. И. Фояковой и др. В этом векторе исследований всё более актуализируется и проблема функционирования поэтонимов в области интертекстуально-

сти, поскольку значение, роль, формы этого класса онимов в художественной системе можно рассматривать как своеобразные текстовые включения-интексты, функционирующие в вертикальном контексте произведения. Антропонимы относятся к тем языковым средствам, которые позволяют в чрезвычайно лаконичной форме «поддерживать», а порой и передать смысловое и эмоциональное содержание художественного текста.

Роль антропонима, ИС героев литературного произведения, которое, на первый взгляд, кажется понятным, «обыкновенным», требует более внимательного рассмотрения. Необходимо учитывать: антропоним является важным структурным элементом художественного образа, служит своеобразным средством выражения цельности и конкретности образа персонажа, что, к сожалению, недостаточно учитывается исследователями-литературоведами.

Рассматривая структуру образа литературного героя, учёные, как правило, отмечают своеобразие его речевой характеристики, портрет, авторские комментарии, анализируют мотивированность и немотивированность поступков героя, его сословный или социальный статус, и очень редко — своеобразие его имянаречения. Исключение составляют «говорящие», с прозрачной семантикой характеризующие имена. Между тем, антропонимы являются своеобразными маркерами психологии, идеологии, жизненной позиции героя, его места в социальной иерархии.

Все существующие имена, в том числе и поэтонимы, прошли этимологическую стадию развития. Однако в одних случаях в ИС внутренняя форма сохранилась хорошо, поэтому они легко декодируются (говорящие имена), в других — она затемнена, её понимание требует дополнительных исследовательских усилий, поэтому они не могут быть легко соотнесены с исходным понятием, которое легло в основу первого именного обозначения. Имплицированная семантика в этом случае особенно значима.

Дешифровка антропонима, постижение его сути, информативности, функциональной значимости в структуре литературного текста являются важнейшим условием адекватного восприятия писательской идеи. Однако, согласно современной теории информации, одним из основных ее свойств является то, что информация не может передаваться абсолютно адекватно, без помех. В этом смысле

«кодирование» антропонима писателем и его «декодирование» читателем не является исключением. Необходимыми условиями интерпретации антропонима является относительное совпадение авторского и читательского тезауруса, знание широкого культурного и исторического контекста литературного произведения, национальных особенностей и, конечно, декодирование имплицитной семантики антропонима.

Однако декодирование бывает затруднено другим фундаментальным для языковой номинации фактором, обусловленным самой системой языка, — способностью языка при помощи ограниченных средств фиксировать всю безграничность человеческого опыта. Применительно к антропонимам это выражается в их особом свойстве передавать не одно, а несколько значений и их особой ролью в системе художественного текста. Антропоним, разумеется, передает не весь объем «сведений», связанных с прецедентным текстом, однако он всегда контекстуально обусловлен. Известно, что ИС входят в художественное произведение аналогично синсемантическим словам. Не обладая в изолированном состоянии собственным предметно-логическим значением, они реализуются только в контексте произведения.

Одна из основных функций интертекстуальных антропонимов — формирование читательского «горизонта ожидания» (Х.-Р. Яусс), который становится первым этапом культурного дискурса автора и читателя. Являясь своеобразным «текстом в тексте», антропонимы обладают важной особенностью: концентрируют большой объем информации на незначительном отрезке текста художественного произведения, иногда отражая основную тему произведения. В качестве «текста» этот класс поэтонимов выполняет не только характеризующую функцию, но функцию передачи и хранения информации, словами Ю. М. Лотмана, «конденсатора культурной памяти». Здесь важен интертекстуальный аспект. Так, в произведениях с «говорящими» названиями — «Гамлет Щигровского уезда», «Степной король Лир», «Фауст» Тургенева, «Леди Макбет Мценского уезда» — идея «вживания» в чужую культуру получает претворение уже в заглавии, через введение имени героя «другой культуры» как знака культурной памяти.

Название рассказов и повестей с «мировыми именами» упомянутых произведений, с одной стороны, соотносит образ главного героя

с шекспировским персонажем, вводит его в тип, а с другой — снижает его трагичность, ограничивает его образную значимость географически, в данном случае российским контекстом.

В структуре художественного текста, помимо номинации и идентификации, антропонимы, могут, во-первых, коррелировать с определенным классом означаемых имен, что приводит к детерминированию их употребления. Так, например, они могут указывать на социальную и национальную принадлежность его носителя (*Митрофан Саввич, Феофил Фомич, Евлампий Григорьевич* — типичные имена купцов. Во-вторых, звуковые и словообразовательные средства организации антропонимов формируют у читателя определенное отношение к номинируемому объекту (*Фефёлкин*). Если антропоним пришёл из другой национальной культуры в новый культурный текст, то он «достраивался» новым семантическим значением, «входя в иную культуру и делаясь её особыми метками, прежние имена связывались с иным мировоззрением, иной идеологией и несли в себе иные духовные ценности» (Суперанская, 2007: 23).

Исследования учёных-ономастов убедительно доказывают, что антропоним, пришедший из другой национальной культуры в новый культурный текст, всегда «достраивается» и новым семантическим значением, «входя в иную культуру и делаясь её особыми метками, — подчёркивает А. В. Суперанская, — прежние имена связывались с иным мировоззрением, иной идеологией и несли в себе иные духовные ценности» (Текст. Структура и семантика, 2001: 23).

Снижение, в свою очередь, демонстрирует всеобщность явления. В этой связи И. С. Тургенев отмечает: «Назовите меня Гамлетом Щигровского уезда, таких Гамлетов во всяком уезде много» (Тургенев, 1979: 252). Тургеневский герой, маркированный известным именем, подчеркивает не только распространенность гамлетизма, но и органичность этого явления для русской жизни. Полноту образу придаёт «русский» способ именования героя: тургеневский Гамлет — *Василий Васильевич* (вдвойне «царственный»). Имя, отчество, с одной стороны, признание достоинства, неординарности героя, его потенциальных возможностей, а с другой — авторский способ сниженного изображения несовпадения между потенциальными возможностями героя и реальным воплощением, заданными именем.

Поэтонимы, являясь порождением внутри- и межкультурной коммуникации, «культуризмами» (С. В. Моташков), обладают маркированным характером, в силу чего несут на себе «печать мотивированного употребления». Они воспринимаются как готовое слово из фонда традиции, становятся той формой, которая содержит в себе главную мысль и единство смысла, порождая собственное семантическое поле.

Как порождение культуры, антропоэтонимы помимо характерологической функции обладают и эстетической коннотацией, которая в полной мере раскрывается в структуре литературного текста в интертекстуальном проявлении и контекстуальных экспонентах. Этот вектор исследований функционирования ономастических единиц изучен недостаточно и требует дополнительных исследовательских усилий.

Известно, что концепция интертекстуальности была впервые сформулирована Ю. Кристевой (1967). Основой этой концепции, оказавшей огромное влияние на гуманитаристику XX века, была работа М. М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924). Ю. Кристева приняла концепцию Бахтина как диалог между текстами, интертекстуальность (Кристева, 2001).

Р. Барт, развив идею Ю. Кристевой, предложил концепцию существования общего «культурного» текста, единого интертекста. Согласно этой концепции, все вновь появляющиеся тексты являются лишь частью, составляющей общего предтекста — интертекста. Современная филологическая наука понимает интертекст в формулировке Р. Барта, ставшей канонической: «Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры <...>» (Барт, 1994: 164–165).

Помимо работ М. М. Бахтина, теории интертекстуальности предшествовала, по мнению М. Б. Ямпольского, теория анаграмм Ф. де Соссюра. Учёный считает, что соссюровский принцип анаграмм соотносится с интертекстуальностью: если неявный цитируемый текст является частью текста цитируемого, то его нужно разгадать. Еще одной, предшествующей концепции интертекстуальности, была мысль Ю. Н. Тынянова о пародии, которую можно рассматривать как идею о пародийном основании интертекстуальности.

В статье «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)», посвященной повести «Село Степанчиково и его обитатели», Ю. Н. Тынянов изобразил образ главного героя, маркированного антропоэтонимом Фома Опискин как пародию на Н. В. Гоголя, которого можно рассматривать как смысловую анаграмму в повести Ф. М. Достоевского. «О том, что в Фоме Фомиче показан Гоголь, не подозревали 70 лет, вплоть до появления статьи Тынянова <...> и даже, скорее всего, не подозревал Достоевский — интертекст тесно связан с бессознательным» (Тынянов, 1977: 114–115).

Исходя из вышесказанного, вполне логичной является мысль А. А. Леонтьева, которую можно применить к антропоэтонимике, о том, что текст (если антропоэтоним рассматривать как своеобразный текст) можно уподобить сознанию, а его смысл (внутреннюю форму, исходный смысл, лежащий в основе слова, обозначающего имя, семантическую мотивировку его обозначения) — бессознательному. Распознать «бессознательный дискурс другого» — одна из интереснейших проблем современной филологической науки. Этот дискурс превращается в «осознанный художественный дискурс» для всех (Текст. Структура и семантика, 2001: 94–95).

Таким образом, при анализе контекста художественного произведения необходимо учитывать не только предшествующую и следующую за высказыванием стороны, но и принимать во внимание функции антропоэтонимов как в вертикальном контексте (связь художественного текста с другими текстами и корневой системой культуры, сознание и «сверхсознание» культуры), так и в контексте горизонтальном (связь времен, реализованную в коммуникативной цепи от слова к тексту; авторские интенции). В этом аспекте роль антропоэтонимов в структуре литературного текста с их информативной насыщенностью чрезвычайно показательна, поскольку антропоэтонимы обладают ассоциативной природой, порождающей сложный механизм аллюзий, которые, как известно, всегда передают информацию о предшествующем тексте, а значит, двойную дешифровку. Реципиент, с одной стороны, декодирует эту информацию, с другой — воспринимает её как вид скрытого, утаённого смысла. То есть на уровне текста реципиент, при декодировании этого класса ИС, «восстанавливает» привнесённую в анализируемый текст информацию из текста прецедентного. На уровне языка аллюзия предполагает действие механизма импликации в широком его понима-

нии и, следовательно, декодирование антропоэтонима на этом уровне состоит в восстановлении причинно-следственных связей. Понимание и интерпретация всегда предполагают перекодирование, то есть постижение смысла текста через призму собственного сознания.

Мысль о том, что ИС в структуре художественного текста являются функционально значимыми элементами не только в номинативном аспекте, но и как онтологическое, аксиологическое и эстетическое явление, в современной лингвистике не является новой. Каждый оним, помимо основного назначения — номинации и идентификации единичного объекта — представляет собой своеобразное «транспортное средство», доставляющее в текст набор аккумулятивной исторической, этнографической, географической, коннотативной и иной сопутствующей информации» (Калинкин, 1999: 41). В художественном произведении имя героя становится «фокусом мысли», «знаком», в свернутом виде содержит авторскую оценку и смысловое ядро образа (Калинкин, 1999: 10).

Как подчеркивалось выше, имена действующих лиц предшествующего художественного произведения привносятся в хронотоп нового текста. В этом случае антропоэтоним функционирует в новом контексте в качестве текстовой единицы второго плана, своеобразного интертекста, включая механизм аллюзии. Происходит своего рода «второе означивание» имен (Э. Бенвенист). В центре внимания оказывается не столько традиционная проблема семантической имен собственных, сколько их характеризующая функция, представляющая комплекс информации. Становится важной их психологическая значимость, приобретаемая в лингвокультурном сообществе. Поскольку в языковом коде имена занимают особое место: общее значение антропоэтонима может быть определено только со ссылкой на конкретный код, определяющий пространственно-временные координаты, национальные и социальные особенности, различные идеологические характеристики объектов номинации. Интертекстуальный аспект в этом случае является доминирующим.

Выводы. Таким образом, антропоэтонимы являются своеобразной формой текстовых включений-интекстов. Они обладают скрытым смыслом, имплицитной семантикой, создают глубинный (вертикальный) контекст произведения. Их следует рассматривать как «структурные узлы», участвующие в формировании целостности произведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва : Прогресс, 1994. 616 с.
- Калинкин В. М. Поэтика онима. Донецк : Юго-Восток, 1999. 408 с.
- Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман. *Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли.* Санкт-Петербург : РХГИ, 2001. С. 213–244.
- Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. Москва : Аграф, 1997. 384 с.
- Суперанская А. В. Имя — через века и страны / под ред. Э. М. Мурзаева. Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. 192 с.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва : Наука, 1973. 367 с. Текст. Структура и семантика. Т. 1. Москва : Наука, 2001. 423 с.
- Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к истории пародии). *Поэтика. История литературы. Кино.* Москва : Наука, 1977. С. 198–227.
- Тургенев И. С. Записки охотника: Повести и рассказы. Москва : Художественная литература, 1979. 607 с.

РОЛЬ АНТРОПОНІМІВ У СЕМАНТИЧНОМУ ПОЛІ ХУДОЖНЬОГО ТВОРУ

Лідія Дербеньова

доктор філологічних наук, професор Івано-Франківського національного технічного університету нафти і газу, Івано-Франківськ, Україна
e-mail: derbenyovalv@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0288-907X>

АНОТАЦІЯ

Стаття присвячена ролі антропонімів у семантичному полі художнього тексту. Досліджується функція антропоетонімів у формуванні читачього «горизонту очікування». Антропоетоніми розглядаються як своєрідний «текст у тексті». Вони концентрують великий обсяг інформації на незначному відрізку тексту, віддзеркалюючи основну тему твору. В якості «тексту» цей клас поетонімів виконує ряд функцій: передачу і збереження інформації, породження нових смислів, функцію «культурної пам'яті», що і пояснюється феноменом читачього «горизонту очікування».

Антропоетоніми є своєрідною формою текстових включень-інтекстів, видом прихованого смислу, що базуються на основі імпліцитної семантики. Вони створюють глибинний (вертикальний) контекст твору. Їх необхідно розглядати як «структурні вузли», що беруть участь у формуванні цілісності художнього тексту.

Аналізуючи контекст художнього твору, необхідно враховувати функції антропоетонімів як у вертикальному контексті (зв'язок ху-

дожного тексту з іншими текстами і кореневою системою культури), так і в контексті горизонтальному (у першу чергу — авторські інтенції і зв'язок часів, реалізовані у комунікативному ланцюгу від слова до тексту). У цьому аспекті роль антропоетонімів надзвичайно показова, адже цей клас онімів характеризується асоціативною природою, що породжує складний механізм алюзій, які завжди передають інформацію про попередні тексти і передбачають подвійну дешифровку. З одного боку, реципієнт декодує цю інформацію, з іншого — сприймає її як вид прихованого смислу.

Отже, антропоетоніми беруть участь у створенні змістовної смислової багатомірності тексту, є вербальним засобом втілення авторських інтенцій і художньої ідеї твору за рахунок здатності кодувати значний обсяг художньої інформації і виступати домінуючими одиницями тексту.

Ключові слова: онім, автор, текст, художній світ, герой, латентна семантика.

THE ROLE OF ANTHROPONYMS IN THE SEMANTIC FIELD OF ARTISTIC WORKS

Lidiya Derbenyova

Doctor of Philology, Professor at Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas, Ivano-Frankivsk, Ukraine
e-mail: derbenyovalv@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0288-907X>

SUMMARY

The article explores the role of antropoetonyms in the reader's «horizon of expectation» formation. As a kind of «text in the text», antropoetonyms are concentrating a large amount of information on a minor part of the text, reflecting the main theme of the work. As a «text» this class of poetonims performs a number of functions: transmission and storage of information, generation of new meanings, the function of «cultural memory», which explains the readers' «horizon of expectations».

In analyzing the context of the literary work we should consider the function of antropoetonyms in vertical context (the link between artistic and other texts, and the groundwork system of culture), as well as in the context of the horizontal one (times' connection realized in the communication chain from the word to the text; the author's intention). In this aspect, the role of antropoetonyms in the structure of the literary text is extremely significant because antropoetonyms convey an associative nature, generating a complex mechanism of allusions. It's an open fact that they always transmit information about the preceding text and

suggest a double decoding. On the one hand, the recipient decodes this information, on the other — accepts this as a sort of hidden, «secret» sense.

Key words: onym, author, text, artistic world, hero, latent semantics.

REFERENCES

- Bart, R. (1994). *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Featured works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress [in Russian].
- Kalinkin, V. M. (1999). *Poetika onima* [Poetics of Onym]. Donetsk: Yugo-Vostok [in Russian].
- Kristeva, Yu. (2001). Bakhtin, slovo, dialog, roman [Bakhtin, word, dialogue, novel]. *Lichnost i tvorchestvo M. M. Bakhtina v otsenke russkoi i mirovoi gumanitarnoi mysli — The personality and work of M. M. Bakhtin in assessing Russian and world humanitarian thought*. (Vols. 1), (pp. 213–244). St. Petersburg: RHGI [in Russian].
- Rudnev, V. P. (1997). *Slovar kultury XX veka. Kliuchevyye poniatia i teksty* [Dictionary of culture of the twentieth century. Key concepts and texts]. Moscow: Agraf [in Russian].
- Superanskaia, A. V. (2007). Imia — cherez veka i strany [Name — through centuries and countries]. E. M. Murzaev (Ed.). Moscow: LKI, 2007 [in Russian].
- Superanskaia, A. V. (1973). Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo [General Proper Name Theory]. Moscow: Nauka [in Russian].
- Text. Structure and semantics (1st ed.). (2001). Moscow: Nauka.
- Tynianov, Yu.N. (1977). Dostoevskii i Gogol (k istorii parodii) [Dostoevskii and Gogol (to the history of the parody)]. *Poetika. Istoriiia literatury. Kino — Poetics. History of literature. Cinema*. Moscow: Nauka [in Russian].
- Turgenev, I. S. (1979). *Zapiski okhotnika: Povesti i rasskazy* [Hunter Notes: Tales and Stories]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 12.06.2019